

Как и мой первый роман, эта книга также посвящается Эду Снайдеру, Хербу Саймону, Джимми Аргирополосу, Майку Бонсиньоре, Джеффу Барбакоу и Джину Монтесано, постоянно требовавшим от меня написать продолжение тех историй, которые они слышали на протяжении многих лет.

А также, как всегда, моей невероятной, любящей помощнице-жене, Наседке, без которой не было бы ничего.

Хочу выразить бесконечную признательность и любовь всем вам.

Жизнь — игра азартная, с ничтожными шансами. Будь она пари, никто б не принял.

*Том Стоппард, «Розенкранц и Гильденстерн мертвы»
(перевод И. Бродского)*

Глава 1

30 августа 1957 года

Поезд с грохотом подкатил к вокзалу Сан-Диего, здание которого напоминало католическую миссию, в три часа дня. Выглянув в окно, я прищурился, ослепленный ярким солнцем, и, надев темные очки, закурил «Лаки страйк». Мне хотелось надеяться, что через несколько часов все будет кончено. Я передам тело кому нужно, быстро сполоснусь под душем на базе морской авиации Норт-Айленд и вылечу обратно во Флориду. *Finis!*¹ Я успею вернуться в Джексонвилл к очередной субботней вечеринке, которые каждую неделю устраивались в моей холостяцкой берлоге на берегу Сент-Джонс-ривер — легендарные гулянки с обилием выпивки, красоток и барбекю, собиравшие весь цвет морской авиации.

¹ Конец! (*лат.*).

Глубоко затянувшись, я выпустил дым и вздохнул: я по праву заслужил это после целой недели сущего ада.

Поездка по железной дороге от одного побережья к другому явилась сплошным семидневным кошмаром. По-моему, поезд не пропустил ни один самый захудалый полустанок на всем протяжении от Флориды до Калифорнии. По мере продвижения на запад температура повышалась на десять градусов с каждым штатом, и к тому времени, как мы добрались до Аризоны, сто десять по Фаренгейту¹ было уже нормой.

На всех остановках мне приходилось отрывать свою измученную задницу от полки, тащить все свои шесть футов и сто восемьдесят пять фунтов до багажного вагона и заглядывать в узкий отсек, в котором находился накрытый знаменем гроб с телом младшего лейтенанта Дэвида Стэнфила. Военно-морской флот подходит к транспортировке своих мертвых педантично. Груз должен прибыть точно по назначению; ни в коем случае нельзя допустить, чтобы какой-нибудь идиот из богом забытого городка неправильно прочитал накладную и выгрузил гроб. Для того чтобы избежать подобного позора, флот требует, чтобы офицер, имеющий такое же звание, как покойный, или выше, сопровождал тело на всем протяжении его последнего пути, — при этом постоянно облаченный в синий парадный мундир. В данном случае этим сопровождающим был я, лейтенант ВМФ США Винни Веста, и это означало, что я семь дней спал сидя, полностью одетый, не имея возможности принять душ — и к этому нужно еще добавить отвратительную кормежку.

Десять дней назад мы с младшим лейтенантом Стэнфилдом отрабатывали групповой пилотаж над морем у побережья Флориды. Мы оба служили в 176-й истребительной эскадрилье, расквартированной на военно-морской базе Джек-

¹ Примерно +43°C.

сонвилл, и летали на истребителях «FJ-3» «Фьюри» со стреловидным крылом, производства компании «Норт америкен» — модификации сухопутного истребителя «F-86» «Сейбр». Стэнфилд, выпускник военно-морской академии, уже отобранный к производству в лейтенанты, пришел к нам в эскадрилью за четыре недели до этого. Все мы быстро поняли, что он умен и прекрасный летчик, однако держался он необычайно тихо и сдержанно. У него просто не было той бьющей через край жизненной энергии, которую мы считали неотъемлемым качеством летчика-истребителя, — и он ни разу не принял участия в наших знаменитых субботних пирушках на «змеином ранчо» на берегу реки. Но мы любили и уважали Стэнфилда, и его гибель потрясла всю эскадрилью.

В тот день облачность была низкая, туманная дымка сильно ограничивала видимость, и линия горизонта отсутствовала. Я начал выполнять восходящую мертвую петлю с высоты двух тысяч футов¹, и Стэнфилд шел как привязанный у меня под правым крылом. Наши «Фьюри» стремительно взмыли в небо, и через несколько секунд мы начали «запрокидываться назад». В наивысшей точке этого маневра, на высоте семи тысяч футов, мы перевернулись вверх ногами, и плоская, жемчужно-серая Атлантика оказалась под нами. Когда мы начали спускаться вниз, я обратил внимание на то, что сильный ветер, дующий на большой высоте, отнес нас в сторону берега и Стэнфилда под моим крылом уже нет. Его отнесло на несколько футов.

Нажав ларингофон, я сказал:

— Дейви, не отставай, мы переходим к вертикальному спуску.

— Вас понял, — ответил Стэнфилд и начал приближаться ко мне.

¹ Фут равен приблизительно 0,33 метра.

Мы ракетами неслись прямо вниз, затем стали выходить из пике — угол восемьдесят градусов от вертикали, затем семьдесят, затем шестьдесят. Я вел наши самолеты к выходу из пикирования; мы продолжали ускоряться, и перегрузки неуклонно нарастали.

Все было просто прекрасно.

И тут это произошло. Испытывая перегрузки в четыре с лишним единицы, несясь на высоте четырех тысяч футов со скоростью четыреста узлов, Стэнфилд вдруг оторвался от меня, и я тотчас же потерял его из вида.

— Стэнфилд? — резко спросил я в ларингофон.

Ответа не последовало, но через несколько секунд я заметил брюхо истребителя Стэнфилда меньше чем в двух тысячах футов над водой. Он почему-то снова перевернулся вверх ногами и теперь, опустив нос под углом шестьдесят градусов, мчался к поверхности океана. Линии горизонта не было: и вода, и небо, плоские, жемчужно-серые, сливались, гладко переходя друг в друга. Я сообразил, что Стэнфилд, вероятно, не может отличить небо от океана и, полагая, что поднимается вверх, на самом деле стремительно несется вниз. На этот раз я закричал во весь голос: «Стэнфилд!», а затем с ужасом бессильно проследил за тем, как его самолет врезался в волну прибоя и развалился на части.

В случившемся не было никакого смысла. Ни тогда, ни сейчас. Стэнфилд был отличным летчиком, налетавшим почти тысячу часов. Вероятность того, что такой первоклассный пилот совершит подобную ошибку, составляла один на миллион. Пусть Стэнфилд не был рубахой-парнем — но он был хорошим летчиком, чертовски хорошим. Так что тут что-то было не так. Совсем не так. И я был уверен, что это не несчастный случай.

На следующий день все то, что осталось от тела Стэн-

Адвокат мафии

филда, было извлечено из обломков самолета, а мы с лейтенантом Дугом Макколли отправились в его комнату в общестии офицеров эскадрильи, чтобы забрать его личные вещи. Дуг, светловолосый парень крепкого телосложения, в жилах которого можно было найти кровь уроженцев половины стран Северо-Западной Европы, был родом из Новой Англии. У него были бледно-голубые глаза, на лоб ниспадала непокорная челка, а его способность воспалять сердца представительниц прекрасного пола своей лучезарной улыбкой была просто легендарной — уступая только мастерству Дуга за штурвалом истребителя. Мы с ним жили вместе в нашем холостяцком логове на берегу Сент-Джонс-ривер; Дуг был моим напарником и лучшим другом.

Собрав пожитки Стэнфилда — стереопроектор, теннисные ракетки и все остальное, — мы уложили их в коробки, после чего начали разбирать его личные вещи. Это обычная, хотя и очень болезненная процедура. Необходимо изъять все, что можно считать постыдным, прежде чем это попадет к родственникам погибшего. В нашем случае мы знали, что родителей Стэнфилда уже известили, и они изъявили желание похоронить его в городке Морристаун, штат Нью-Джерси, где жили они, где родился и вырос он сам.

Мы уже заканчивали разбирать бумаги Стэнфилда, когда Дуг вдруг воскликнул:

— Боже милосердный! Винни, ты только взгляни!

Дуг читал письмо — одно из нескольких, скрепленных резинкой. Он вложил это письмо мне в руки.

— Дейв был женат!

Я бегло прочитал письмо, а Дуг тем временем вскрыл еще несколько конвертов. Никаких сомнений быть не могло. Письмо было датировано 28 декабря 1956 года, и в нем говорилось о первой годовщине свадьбы. Это означало, что Стэн-

филд был женат чуть больше полутора лет. Судя по всему, он никому не сообщил о своей женитьбе — в его личном деле не было никаких сведений об этом, и родители определенно ничего не знали, но решающим аргументом явилась обнаруженная нами копия брачного свидетельства.

Стэнфилд женился на некоей Кэтлин Пеннингтон из городка Дел-Мар, штат Калифорния, 28 декабря 1955 года. Всего в пачке было двадцать писем, содержание которых становилось все более прохладным, и наконец в последнем, судя по почтовому штемпелю, отправленном за пять дней до катастрофы, жена просила Стэнфилда дать ей развод. Принимая в расчет ту черепашую скорость, с которой работает американская почтовая служба, Стэнфилд, скорее всего, получил письмо как раз в день своей гибели.

С юридической точки зрения жене отдается предпочтение перед родителями, поэтому Кэтлин Пеннингтон незамедлительно известили о гибели Стэнфилда, и она тотчас же отменила похороны в Нью-Джерси. Потрясенные родители отчаянно возражали, однако после короткой, но жестокой словесной войны командование распорядилось отправить тело в Сан-Диего, а мне было поручено его сопровождать.

Состав, дернувшись, остановился, и одетая по-летнему толпа хлынула на перрон встречать друзей и родственников. Спустившись на платформу, я загасил сигарету и огляделся по сторонам. Мое внимание сразу же привлек катафалк и двое служащих похоронного бюро в ливреях. Затем мой взгляд остановился на «Кадиллаке», кабриолете 1957 года. Он был новый, розовый, с двумя «плавниками» сзади, а за рулем сидела молодая женщина в черном. В черном с ног до головы — вплоть до шляпки и вуали.

Осторожно приподняв вуаль, женщина взглянула на

«крылышки» у меня в петлицах. У нее на губах мелькнула бледная улыбка, и, подняв на меня взгляд, женщина слегка кивнула. Кивнув в ответ, я направился к багажному вагону, чтобы проследить за выгрузкой накрытого знаменем гроба.

Через какое-то мгновение я услышал позади медленное, но отчетливое постукивание каблучков женских туфель. Обернувшись, я уловил дуновение дорогих духов и постарался изо всех сил не показать свое удивление.

Хотя черный цвет свидетельствовал о трауре, наряд женщины никак нельзя было назвать мрачным. Сшитый на заказ жакет облегал фигуру, а юбка, заканчивающаяся выше колен, открывала ноги, которые могли бы посрамить лучшие ножки Голливуда. Затянутые в черную сеточку нейлоновых чулок, они заканчивались лакированными туфлями на четырехдюймовых шпильках. Единственным «красочным» пятном была ниточка белого жемчуга на шелковой блузке с открытой шеей.

Остановившись в нескольких шагах от меня, женщина протянула руку.

— Кэтлин Стэнфилд, — сказала она.

У нее было грудное контральто, обрамленное правильно поставленным произношением Новой Англии, в котором буквально звучал голос актрисы Кэтрин Хепберн.

— Лейтенант Винсент Веста, — представился я, протягивая руку.

— Полагаю, дорога была очень утомительная. Вы выглядите усталым.

— Тащиться семь дней на поезде через всю страну — это доконает кого угодно, — ответил я, стараясь не таращиться на нее, но тщетно.

К счастью, к нам подошел один из служащих в ливрее и протянул папку с бумагами. Расписавшись где нужно, я в

свою очередь достал из внутреннего кармана кителя документы. Положив на папку, я протянул их Кэтлин Стэнфилд.

— Будьте добры, миссис Стэнфилд, — сказал я, протягивая ручку и показывая места, где надо было поставить подпись, — вот здесь, здесь и здесь.

Принимая ручку, она сказала:

— Я представилась так по очевидным причинам, однако я никогда не использую фамилию Стэнфилд. Я предпочитаю свою девичью — Пеннингтон. Друзья зовут меня Кэт.

Я заморгал, не придумав, что ответить. Пока Кэтлин Пеннингтон, положив руку с безукоризненно ухоженными ногтями на папку, расписывалась в документах, я, воспользовавшись моментом, изучил ее лицо. Если голос у нее был в точности как у Хепберн, внешнее сходство, хотя и не так ярко выраженное, тоже не вызывало сомнений: высокие скулы, изумрудно-зеленые глаза, чувственный рот. Темно-каштановые волосы были практически полностью зачесаны под шляпку, оставив лишь несколько локонов, мягкими кольцами спадающих на затылок. Возможно, зрение подвело младшего лейтенанта Дэвида Стэнфилда в воздухе, но на земле у него с ним определенно не было никаких проблем.

Кэтлин Пеннингтон вернула мне бумаги.

— Судя по вашему виду, вам сейчас совсем не помешает чего-нибудь выпить.

Я кивнул.

— И принять душ.

— Вы остановитесь на военной базе?

— Всего на одну ночь. Завтра утром я постараюсь улететь обратно в Джексонвилл.

Она склонила голову в сторону розового «Кадиллака».

— Ну, если вы ни с кем другим не договаривались, забирайтесь в машину. Я вас подвезу.

Приняв предложение, я выхватил свою сумку из рук носильщика и последовал за Кэтлин Пеннингтон к машине. Открывая перед ней водительскую дверь, я обратил внимание на монограмму размером со спичечный коробок сразу под стеклом. Две переплетенные буквы — «ВМ». Определенно, за ними не могли скрываться ни Пеннингтон, ни Стэнфилд. Так кто такой этот ВМ, черт бы его побрал?

Мы отъехали от вокзала и набрали скорость. Нам в лицо ударил приятный освежающий ветерок.

— Хорошая машина, — заметил я.

— Ей всего две недели, — ответила Кэтлин, снимая шляпку и вуаль. Тряхнув головой, она распустила волосы длиной по плечи, и в них тотчас же вцепился встречный ветер. — Вик купил ее перед самым своим отъездом.

— Вик?

— Виктор Марино.

— Актер?

— Он самый.

Значит, Кэт не просто выглядела по-голливудски. Она принадлежала Голливуду. Виктор Марино был звездой.

— Хорошие у вас друзья.

— Вы так считаете? — усмехнулась она. — Вик сейчас в Мексике, где проходят натурные съемки какой-то очередной бредятины. — Кэт бросила на меня взгляд, проникнутый флиртом. — Он вернется только на следующей неделе.

Я недоуменно посмотрел на нее — ни поведение, ни речь, ни одежда, ни кабриолет с монограммой под стеклом нисколько не соответствовали моему представлению о безутешной вдове. Я знал, что Кэт в письме просила Стэнфилда о разводе, но — господи! — в ней не было ни *намек* на скорбь. Черт побери, что течет в жилах у этой девчонки?

Размышляя об отношениях Стэнфилда и Кэт, я наблюдал за тем, как она по дороге к паромной переправе на остров Коронадо нарушает все правила скоростного режима и обязательных остановок.

— Отчего такая спешка? — наконец рискнул спросить я.

— Да так, просто скорость меня возбуждает — но, лейтенант, смею предположить, вам это знакомо. — Теперь уже не оставалось никаких сомнений — она определенно заигрывала со мной.

Мы переправились на пароме через залив и помчались по Первой улице к базе военно-морской авиации. Когда мы въезжали в ворота, часовой отдал мне честь — однако это удалось ему с огромным трудом. Я весело наблюдал за тем, как он раскрыл рот и выпучил глаза, провожая нас взглядом. Восхитительная красotka в трауре на розовом «Кадиллаке» вместе с лейтенантом в синем парадном мундире? Такое увидишь нечасто.

Не спрашивая указаний, Кэт отвезла меня напрямиком к общежитию холостых офицеров, и я лишь подтвердил очевидное:

— Вам уже приходилось здесь бывать.

— И не раз. Дейв жил здесь, когда мы с ним познакомились. Сколько времени вам нужно?

— Для чего?

— Для того чтобы принять душ и переодеться. Я собираюсь отвезти вас в офицерский клуб. Вы заслужили чего-нибудь выпить. Я угощаю.

— Двадцать минут? — поспешно предложил я, опасаясь, как бы здравый смысл не заставил меня передумать.

— Я вернусь, — бросила Кэт, и розовый «Кадиллак», визжа покрывками, рванул с места.

Глава 2

Я зарегистрировался в общежитии, и дежурный протянул мне телефонограмму. Я обратил внимание, что она еще вчера была принята в штабе нашей эскадрильи в Джексонвилле, а оттуда переправлена на базу Норт-Айленд. Телефонограмма гласила:

«Позвони. Номер ты знаешь.

Анджело».

У меня в душе все оборвалось. Интуиция сразу же подсказала, что моя неделя в преисподней еще не закончилась. Телеграмму прислал Анджело Мазерелли, член нью-йоркской мафии, бывший на протяжении десяти лет правой рукой моего отца, до тех пор как его не убили в самом конце 1950 года. После этого Мазерелли занял его место капорежиме в клане Маньяно и возглавил группировку моего отца, которая контролировала грузовые причалы Вест-Сайда для Альберта Анастасии.

Я любил Анджело как родного отца, как и его сына Атиллио, по прозвищу Порошок. Мы росли вместе, и Порошок был членом моей подростковой банды, до тех пор пока она не распалась в конце лета 1950 года. Я тогда поступил в колледж, проучился в нем три года, после чего окончил школу военно-морской авиации в Пенсаколе. Порошок остался в Нью-Йорке и после непродолжительной карьеры профессионального пианиста завязал с музыкой и стал членом группировки своего отца. К счастью, большая часть звонков от Анджело и Порошка не имела никакого отношения к делам клана — с этой жизнью я начисто порвал, чему был очень рад. К несчастью, они были связаны с моей матерью.

Наши с матерью отношения разладились после того, как

мой отец был убит, а я отказался бросить колледж и пойти по его стопам. Мать хотела, чтобы я отомстил его убийцам, и так и не простила мне то, что я этого не сделал.

Времени было четыре часа дня — в Нью-Йорке семь часов вечера, и Анджело, наверное, как раз сел ужинать. Он никогда не пропускал сытную трапезу. При пяти футах шести дюймах он весил двести шестьдесят фунтов, и его организму требовалось много горючего. Спустившись в вестибюль, я зашел в кабинку телефона-автомата и набрал номер, который помнил наизусть с тринадцати лет.

Мне ответил женский голос с сильным итальянским акцентом:

— Это я. А это кто?

Это была Лена, жена Анджело. Я подавил смешок.

— Винни... Винни Веста. Как у вас дела, тетя Лена?

— Замечательно! Вот только ты — ты почему не звонишь?

— Да все был занят, тетя Лена. Но вот я звоню...

— Ну да, *звонишь!* Потому что Анджело позвонил *тебе!*

— Я исправлюсь... обещаю.

— Ну хорошо... Анджело! — крикнула она, подзывая мужа. — Это Винченцо!

Через минуту трубку взял Анджело и, не здороваясь, сразу спросил:

— Как скоро ты сможешь быть здесь?

Опешив, я ответил не сразу.

— У вас? В Нью-Йорке?

— Нет, в Тибете! А ты что подумал, черт побери? Разумеется, в Нью-Йорке, во имя всего святого!

— Дядя Анджело, я сейчас в Калифорнии...

Адвокат мафии

— А мне казалось, твоя эскадрилья во Флориде. Какого черта ты делаешь в Калифорнии?

— Мне пришлось сопровождать... лучше не будем об этом. Не спрашивайте.

— И не буду... Итак — как скоро?

— Дядя Анджело, я уже и так целую неделю отсутствовал в эскадрилье. Даже не знаю, смогу ли я к вам вырваться сейчас. Что у вас случилось?

— Все дело в твоей матери. Я, конечно, ее люблю, но она та еще заноза в заднице, и от нее одни неприятности.

— Господи... сейчас-то что стряслось?

— Костелло принял решение. Он уходит, пока его не вынесли вперед ногами.

«Проклятие!» — подумал я.

За три месяца до этого Фрэнк Костелло стал жертвой неудавшегося покушения, которое произошло у дверей небоскреба «Маджестик» на Западной Централ-парк, где находились его роскошные апартаменты. Костелло возглавлял преступный клан Счастливица Лучано с того момента, как в 1946 году Лучано депортировали в Италию. Не было никаких сомнений в том, что это покушение заказал Вито Дженовезе, капорежиме в том же самом клане и лютей враг Костелло. Пуля не дошла до цели, а вот стоявшее за ней предупреждение дошло. Судя по всему, шестидесятишестилетний Костелло решил, что уход на покой предпочтительнее могилы.

— Вчера, — продолжал Анджело, — Комиссия объявила, что Дженовезе становится главой клана Лучано, и твоя мать вне себя от бешенства.

Я сразу же понял, в чем дело. Моя мать считала Дженовезе виновным в смерти моего отца. Он был убит, защищая Альберта Анастасию во время неудавшегося покушения, организованного Дженовезе в конце 1950 года. Анастасия был

капорезиме клана Маньяно и наставником моего покойного отца. Он возглавил клан Маньяно в 1951 году, после того как Винченцо Маньяно, глава одного из пяти нью-йоркских преступных «семейств», бесследно исчез, а тело его брата Филиппа Маньяно было выловлено из вод залива Шипсхэд-бей. Тело Винченцо так и не было обнаружено.

За убийством, несомненно, стоял Альберт Анастасия — ближайший сподвижник Маньяно. После внезапного исчезновения Маньяно Анастасия прибрал к рукам его клан — контролировавший триста глубоководных причалов Нью-Йорка и свыше сорока тысяч портовых рабочих.

Анастасия и Дженовезе питали друг к другу взаимную ненависть, и было лишь вопросом времени, когда один из них окончит свой жизненный путь в мраморном саду. Анастасия считал моего отца своим учеником, и он так и не смог оправиться от его гибели. И отчасти потому, что он считал себя косвенно виновным в ней, а к нам с матерью относился как к родным, достаточно было лишь мелочи, чтобы он совершил какую-нибудь глупость.

Анджело продолжал:

— Твоя мать постоянно твердит мне, Альберту и всем, кто готов ее слушать, что Дженовезе — последний ублюдок и его надо прикончить! Она производит столько шума, черт побери, что рано или поздно какой-нибудь долбаный козел это услышит и начнет войну! Что хуже, Анастасия опасается, как бы люди Дженовезе не провели про ее речи и не пришли бы ее, просто чтобы заставить замолчать!

— Господи! — в отчаянии повторил я. — И что я должен делать?

— Поговорить со своей матерью и постараться ее образумить.

Адвокат мафии

— Я? — переспросил я, сбитый с толку. — Вы что, рехнулись?

— Ты должен попробовать.

— Дядя Анджело, — настаивал я, — мать до сих пор не простила мне то, что я не бросил колледж и не отомстил Дженовезе *семь лет* назад! Какого черта вы решили, что она послушается меня сейчас?

— Ты ее сын. Заставь ее выслушать тебя. Если не сможешь приехать сюда, позвони. Все это может выйти из-под контроля.

— Ну хорошо, — сказал я, обреченно соглашаясь на то, что считал невозможным. — Я постараюсь.

— Вот и отлично. Атиллио передает тебе привет.

— И вы передайте Порошку от меня привет.

— Хорошо, — сказал Анджело и положил трубку.

Я обязательно должен был ему перезвонить, однако в настоящий момент мне предстояло решить другую проблему — как быть с загадочной вдовой, слишком привлекательной, чтобы не обращать на нее внимания.

Глава 3

Приняв освежающий душ и наскоро побрившись, я спустился вниз, одетый в брюки, тенниску и штиблеты. Кэтлин уже ждала меня за воротами, и она тоже переделалась — белая блузка без рукавов, светло-коричневые брюки с туфлями на высоком каблуке в тон им и большие серьги в ушах. Жемчуг исчез, но его место заняла брошь размером с серебряный доллар. Она была выполнена в виде паука с телом из изумруда размером с виноградину, под цвет глаз Кэт.

«Господи! — подумал я. — Паук?» И снова я не смог бы сказать, притягивает или отталкивает меня эта женщина.

Усевшись в «Кадиллак», я заметил:

— Быстро вы переоделись.

— Я всегда вожу с собой смену. К тому же на базе у меня остались друзья. Я ведь жена — точнее, была женой военноморского летчика, не забыли?

— Именно поэтому я здесь, — не удержавшись, съязвил я. — Не забыли?

Время уже было пять вечера, «солнце опустилось за нокрею», и продымленный офицерский клуб был полон народа. Вечер пятницы, самое счастливое время за всю неделю. Веселье было в полном разгаре. Красавицы в подобных заведениях всегда желанные гости; они приходят в клуб с блеском в глазах и надеждой в сердце. Летчики-истребители относились к этому еженедельному событию с неистовством воскресших из мертвых. Униформой кавалеров была летняя повседневная форма с белой рубашкой с короткими рукавами; дамы же демонстрировали самое соблазнительное сочетание высоких каблуков, юбок и блузок с откровенными декольте. Возбужденные летчики руками демонстрировали впечатлительным красоткам фигуры высшего пилотажа, а музыке с трудом удавалось заглушать разговоры и громкий смех. Крепкие напитки отпускались по пятьдесят центов за полную рюмку. На пять долларов можно было напиться вусмерть.

Я заказал два высоких стакана мартини, и мы, протиснувшись в относительно тихую кабинку в дальнем углу, сели. Кэт подняла стакан и томным контральто, который заворожил бы кобру, произнесла:

— За лучшие времена.

— И за ушедших друзей, — добавил я.

Мы чокнулись и выпили. Я залпом пропустил половину содержимого стакана в горло, и мое тело расслабилось впервые за неделю.

Адвокат мафии

Какое-то время Кэт оценивающе разглядывала меня.

— Веста... смуглый, черные курчавые волосы, прямой нос. Судя по всему, итальянец.

— Внешность обманчива. Сицилиец.

— А... что, есть какая-то разница?

— И очень большая.

Улыбнувшись, Кэт пригубила коктейль.

— Женат? — И снова от того, как она произнесла этот простой односложный вопрос, повеяло плотскими страстями.

— Холост.

— Подруга?

— Несколько.

Кэт изогнула бровь.

— Впечатляет.

Я отмахнулся от этого замечания. В настоящий момент мне лишь хотелось знать правду.

— Я польщен, а вы?

— Что — я?

Вытряхнув из пачки сигарету, я предложил ее Кэт. Та покачала головой, отказываясь. Взяв сигарету, я закурил и, медленно выпустив воздух, перешел к делу:

— Понимаете, Кэтлин, я...

— Кэт.

— Хорошо, Кэт, я прочитал ваши письма Дейву... так полагается.

— А-а... — Она кивнула.

— Вы написали, что хотите развестись.

— Верно. И вы хотите узнать, почему?

— Если вы ничего не имеете против.

— Праздное любопытство или «так полагается»?

— Возможно, и то и другое.

— Полную версию или вкратце?

Я пожал плечами:

— Как вам угодно.

Кэт порывисто кивнула, показывая, что сдается, и я понял, что словесная пикировка осталась позади и теперь мне можно рассчитывать на искренние ответы.

— Мы были женаты девятнадцать месяцев, из которых прожили вместе всего семь недель.

— Такое бывает. Военно-морским летчикам приходится выходить в море.

— Я это выяснила на собственном опыте. Но заранее меня никто ни о чем не предупреждал.

— И тут появляется Вик?

Я отметил, как она напряглась.

— Девушке порой бывает очень одиноко, лейтенант. И тут рядом оказался Вик.

— Дейв знал о Вике?

Она отвела взгляд, порывисто вздохнула, затем снова повернулась ко мне.

— Возможно. Он мог обо всем узнать — Вик довольно заметная личность. Нас изредка видели вместе.

Впервые я услышал в ее голосе тень искренней скорби. Едва уловимая, но все же она присутствовала. Я отпил еще один большой глоток коктейля.

— Вероятно, он получил ваше письмо в тот самый день, когда врезался в море.

— Тут все было не в одном письме. Дейв уже давно понимал, что у нас с ним ничего не получится.

— Однако письмо, которое, на его взгляд, положило конец вашему браку, пришло в тот самый день, когда он совершил ошибку, стоившую ему жизни.

— Что вы хотите сказать?

— Этого не должно было произойти. И я ищу объяснения.

Кэт долго пристально смотрела на меня, постигая смысл услышанного, затем недоверчиво спросила:

— Вы считаете, в катастрофе виновата я?

— В катастрофе виноват Дейв, но вы могли быть ее причиной.

Шумно вздохнув, она заметно напряглась.

— Послушайте, — сказала она, презрительно растягивая мое звание, — лей-те-нант, я понятия не имею, что вам взбрело в голову. Не знаю, то ли это ваши флотские порядки, то ли просто «так полагается», но мне это совсем не нравится, и я не желаю вас слушать!

Схватив сумочку, Кэт вскочила на ноги и запустила ее на соседний столик. Я мельком проводил сумочку взглядом, убеждаясь, что подвыпившая четверка никак на это не отреагировала, затем тоже встал и мягко схватил Кэт за руку. О чем я думал?

— Не надо, — ласково произнес я. — Я не хотел вас обидеть. Пожалуйста, садитесь.

— Не могу найти ни одной причины, почему я должна так поступить, — кипятясь, продолжала Кэт.

— Сядьте, и я назову вам сразу несколько.

Еще мгновение она обжигала меня взглядом, наконец уселась за столик. Ее глаза не отрывались от моего лица. Сняв в пепельнице сигарету, я заговорил:

— Послушайте, я плохо знал Дейва — я даже понятия не имел, что у него есть жена, но он мне нравился. Он был летчиком-истребителем и служил в одной эскадрилье со мной. И вдруг я выясняю, что он не только был женат, но и собирался разводиться. Определенно, я не понял, почему его жена, которая вскоре должна была стать бывшей, настояла на том, чтобы похоронить его здесь, а не в родном городе, как того хотели родители. И вот наконец я встречаю эту вдову —

которая ведет себя как угодно, но только не как *вдова*, — и выясню, что у нее шашни с какой-то кинозвездой!

Кэт сидела совершенно неподвижно. У нее в глазах появился блеск. Наконец она отвела взгляд, затем снова посмотрела на меня.

— Пожалуй, я все же не откажусь от сигареты.

Я протянул Кэт «Лаки страйк», она, взяв сигарету в губы, склонилась над столом, прикуривая от моей спички. Сделав глубокую затяжку, она смахнула с кончика языка крошку табака, выпустила большое облако дыма и начала свой рассказ:

— Мы с Дейвом познакомились в этом самом клубе, в декабре пятьдесят пятого. Ослепительный летчик военно-морской авиации, красавец, восходящая звезда. Он приехал домой в отпуск из Японии, а я снималась во второсортной роли во второсортном фильме. — Кэт искренне улыбнулась, предаваясь воспоминаниям. — Вам приходилось слышать выражение «бурный роман»? Следующие две недели как нельзя лучше соответствовали этому клише. Разумеется, мой отец обо всем прознал и пришел в ярость. И, разумеется, поскольку отец был решительно против, а я хотела утвердить свою независимость, мы поженились сразу же после Рождества. Новый год мы встречали в Мексике. А после недели семейной жизни Дейв отправился обратно в Йокосуку. У меня тогда как раз пошли дела в кино, и я не была готова переезжать в Японию. Наконец Дейв отслужил свой срок в Йокосуке и в сентябре прошлого года возвратился домой. К этому времени мы с ним не виделись уже восемь месяцев.

Ее рассказ прервал взрыв хохота за соседним столиком. Умолкнув, Кэт расправилась с сигаретой, а затем и с коктейлем.

— Следующий месяц мы провели вместе, но затем Израиль напал на Египет — начался Суэцкий кризис. Дейву было

приказано прибыть в Норфолк, и он отправился на Ближний Восток на борту авианосца «Форрестол». Потом его эскадрилья вернулась в Штаты, но Дейв до самого конца оставался на корабле. К вам в Джексонвилле он присоединился в самую последнюю очередь.

— В самом конце июля, — подтвердил я.

— В последнюю неделю, — уточнила Кэт и затем, словно чтобы показать мне, как четко она следила за ходом времени, добавила: — Двадцать седьмого, если быть точной. — Она ткнула в меня указательным пальцем. — Двадцать месяцев. — Затем указала на себя. — Семь недель. — Загасив сигарету, Кэт безучастным тоном спросила: — Еще вопросы имеются?

— Только один. Если вам было наплевать на Дейва, почему вы настояли на том, чтобы его тело переправили сюда?

Кэт вздохнула.

— Чтобы оно не попало к его родителям. Это видная семья из Нью-Джерси, они всю жизнь толкали Дейва вперед. Он рассказывал, что в детстве был застенчивым одиночкой, но родители постоянно донимали его, а он этого терпеть не мог. Они требовали от него, чтобы он был лучшим — в начальной школе, в средней школе, в военно-морской академии. Отличником, капитаном школьной бейсбольной команды, первым в классе. Каждый раз, когда Дейв приезжал домой на побывку, родители следили за тем, чтобы все местные газеты трубили о его достижениях. Они устраивали пышные вечеринки, чтобы искупаться в славе своего сына. В конце концов Дейв перестал приезжать домой; он уже довольно долго не поддерживал со своими родителями никаких контактов. Уверена, сам Дейв ни за что бы не согласился на то, чтобы его хоронили родители, окружив все обычной шумихой, поэтому я сделала все, чтобы этого не допустить. Я имела

полное право так поступить, и это было самое меньшее, что я могла сделать для Дейва.

— Так что в конце концов какие-то чувства у вас остались.

Допив коктейль, Кэт кивнула:

— Конечно. Был момент, когда мы любили друг друга. Наш роман завершился, едва успев начаться, но то время, которое мы провели вместе, было очень хорошим. Когда Дейв вернулся из Йокосуки, я поняла, что у нас с ним ничего не получится, и так ему и сказала. Но Дейв решил, что, по крайней мере, стóит попробовать. Затем ему снова пришлось уехать. Мы писали друг другу все реже и реже, и в конце концов я решила положить этому конец. После гибели Дейва я сделала для него то, что сделала бы для близкого друга. Вот уже много времени он был для меня именно другом... я виновата...

Внезапно она показалась мне совершенно беззащитной. Мое первое впечатление о ней медленно менялось. Я поймал себя на том, что Кэт даже начинает мне нравиться.

— Да, и я тоже виноват, — сказал я. — Я не имел права ни в чем вас обвинять...

— Извинение принято.

— Я могу что-нибудь сделать для вас перед тем, как вернуться в Джексонвилл?

Кэт кивнула:

— Да, вы можете поужинать вместе со мной. Я терпеть не могу есть в одиночестве.

— Договорились. Я отведу вас в ваш любимый ресторан.

— Вы в этом уверены?

— А в чем дело? — спросил я.

В ответ Кэт наградила меня ослепительной улыбкой.

Глава 4

Час спустя мы уже пересекли мексиканскую границу. Как выяснилось, любимым заведением Кэт был ресторан «Цезарь» в Тихуане, где подавали знаменитый салат по-цезарски. Хотя зал был заполнен, а у дверей толпились те, кто ждал, когда освободится столик, хозяин встретил Кэт теплыми *abrazo*¹ и тотчас же провел нас к лучшему столику. Кэт смеялась и болтала с ним на беглом испанском, делая заказ.

Мимо проходил официант с подносом «Маргарит»², направлявшийся к другому столику. Перехватив его, хозяин бесцеремонно снял с подноса два стакана и поставил их перед нами. Мы с признательностью выпили за его здоровье.

По освещенному дрожащими огоньками свечей залу двинулось трио гитаристов, наполняя пропитанную ароматом специй атмосферу мелодичным пением на три голоса.

Через несколько минут старший официант подкатил сервировочный столик и у нас на глазах покрошил в большую деревянную миску листья красного салата, затем добавил оливковое масло, уксус, приправы, анчоусы, тертый пармезан и выжал лимон. Пока мы допивали по второй «Маргарите», он разбил сырое яйцо, мастерски вылил его в миску и изящным движением перемешал салат.

Его творение явилось скорее спектаклем, чем гастрономическим изыском. Выпитые мартини и «Маргариты» и музыка наконец помогли мне полностью расслабиться. Настроение требовало заказать еще по стакану коктейля — я так и поступил.

За порцией жаркого по-мексикански — солидного куска

¹ Объятиями (*исп.*).

² «Маргарита» — популярный в США мексиканский коктейль из текилы и сока лимона с добавлением ликера, подается с мелко раздробленным льдом. (*Здесь и далее прим. пер.*)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	50
Глава 9	59
Глава 10	67
Глава 11	76
Глава 12	83
Глава 13	90
Глава 14	98
Глава 15	108
Глава 16	117
Глава 17	125
Глава 18	131
Глава 19	142
Глава 20	151
Глава 21	162
Глава 22	167

Глава 23	176
Глава 24	183
Глава 25	194
Глава 26	202
Глава 27	212
Глава 28	219
Глава 29	225
Глава 30	237
Глава 31	244
Глава 32	253
Глава 33	262
Глава 34	271
Глава 35	279
Глава 36	289
Глава 37	297
Глава 38	303
Глава 39	313
Глава 40	323
Глава 41	332
Примечание автора	345